

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК
ВЫПУСК 11 (74)

ИСТОРИЯ
и
ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 4

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА В КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ (КУРМАНДЖИ) ¹

В курдско-русском словаре Ч. Х. Бакаева глаголы *karibûn* (*karin*) 'мочь' и *zanibûn* (*zanîn*) 'знать' определены как непереходные, а глаголы *geryan* (*gerîn*) 'ходить', 'бродить', 'искать' и *zayîn* 'рожать' — как переходные.² Напротив, в курдско-русском словаре К. К. Курдоева глаголы *karibûn* и *zanibûn* отнесены к переходным, а глаголы *geryan* и *zayîn* — к непереходным.³

Такого рода разнобой, как нам представляется, обусловлен главным образом различием примененных авторами упомянутых словарей критериев, соответствующих разным свойствам так называемых переходных глаголов.

К числу наиболее характерных черт грамматики курманджи, как известно, относится пассивно-объектный строй переходного глагола в прошедших временах.⁴ Пассивно-объектный строй проявляется в двух особенностях: во-первых, в том, что подлежащее при переходном глаголе в прошедших временах выражено формой косвенного падежа имени; во-вторых, в том, что глагольные окончания согласованы (в лице и числе) не с подлежащим, а с прямым дополнением, которое в свою очередь выражено прямым падежом имени (*min şand-* 'я послал', *min tu şandî* 'я тебя послал'). Важно, однако, учесть следующее: первый из указанных признаков обязателен для каждого переходного глагола (входит в его определение), тогда как второй признак у ряда переходных глаголов полностью или частично отсутствует в силу того, что не всем переходным глаголам свойственно сочетаться с прямым дополнением.

Так, например, глагол *banz dan* 'прыгать', будучи переходным глаголом, т. е. сочетаясь в форме прошедшего времени с косвенным паде

¹ Доложено на заседании Лингвистической секции ЛО ИНА АН СССР, посвященном 75-летию со дня рождения академика И. А. Орбели, 23 марта 1962 г.
² См.: Ч. Х. Бакаев. Курдско-русский словарь, 1957, М., стр. 187, 166, 97, 165.

³ К. К. Курдоев. Курдско-русский словарь. 1960, М., стр. 421, 799, 273, 800.

⁴ Т. е. во временных формах, образованных от прошедшей основы.

⁵ См.: И. И. Цукерман. Очерки курдской грамматики. Сб. «Иранские языки», вып. II, 1950, в особенности стр. 86 и сл.

жом подлежащего (*min banz da* 'я прыгнул'), не употребляется с прямым дополнением. Не может иметь при себе прямого дополнения и переходный глагол (*lê nihêrîn* 'смотреть'). Глагол этот сочетается не с прямым дополнением, а с косвенным (посредством предлога *li* или без него) таким же образом, как непереходный глагол *syar bûl* 'садиться верхом': *min (li) hespê nihêrî* 'я посмотрел на лошадь', *ez (li) hespê syar bûm* 'я сел на лошадь'.

Другие переходные глаголы, обладая сложной семантической структурой, соответственно отличаются и переменной синтаксической валентностью. Так, глагол *hiştin* в значении 'оставлять', 'покидать' сочетается с прямым дополнением (*min tu hiştî* 'я тебя оставил'), в значении же 'пускать', 'позволять' выступает в качестве модального глагола, обычно управляя соответствующим конъюнктивным оборотом (*bihêle ew here* 'дай ему пойти').

Вернемся теперь к примерам, приведенным в начале статьи.

Глагол *karibûn* 'мочь', разумеется, переходный, так как при формах прошедшего времени он требует косвенного падежа подлежащего (*min nikaribû...* 'я не мог...'). Но будучи по самой своей сути глаголом модальным, *karibûn* регулярно сочетается с глагольным (конъюнктивным) дополнением (*ez nikarim herim* 'я не могу пойти') и только при его посредстве (в сочетании с ним) способен присоединить прямое дополнение: *ez vê yekê nikarim bikim* 'я этого не могу сделать'. Глагол *karibûn* в отношении прямого дополнения в сущности безобъектен, и это, по-видимому, дало повод Ч. Х. Бакаеву отнести его к непереходным глаголам. В этом отношении от глагола *karibûn* отличается его смежный коррелят — глагол *xwêstin* 'хотеть', образующий такие же сочетания с конъюнктивным дополнением, как и глагол *karibûn* (*ez dixwazim herim* 'я хочу пойти'), но вместе с тем свободно присоединяющий и именное прямое дополнение, в особенности в значении 'желать', 'требовать', 'звать' или тем более 'сватать' в составе выражения *ji xweza xwestin* 'сватать для себя, свататься': *ewî ji xweza keç'a cîran xwêst* 'он посватал дочь соседа'⁶ (букв.: 'он посватал для себя дочь соседа').

Глагол *zanibûn* 'знать' по формам его субъектной характеристики необходимо также признать переходным (*min nizanbû* 'я не знал'). В то же время именно в этом значении 'знать', 'быть сведущим' *zanibûn* чаще всего связан с глагольным дополнением (*min nizanbû, çi bikira* 'я не знал, что делать') и ощутимо ограничен в сочетаемости с именным дополнением (*ez zmanê kurmançî rind nizanim* 'я нехорошо знаю курдский язык'). Несомненно, однако, что глагол *zanibûn* в целом приходится определять и как объектный глагол, принимая в расчет в особенности такие значения, как 'познать'.

⁶ К. К. Курдоев. Словарь... стр. 386.

Глаголу *geryan* (*gerîn*) Ч. Х. Бакаев дает двоякую грамматическую характеристику в зависимости от двух его основных значений: в значении 'гулять', 'бродить' этот глагол определяется как непереходный, в значении же 'искать' — как переходный: *tu k'ê digerî* 'кого ты ищешь?'.⁷ Глагол *geryan* действительно характеризуется переменной валентностью, и такого рода дополнение, как в предложении *tu k'ê digerî*, возможно только при значении 'искать'. Но все дело в том, что дополнение *k'ê*, хотя и образует с глаголом чрезвычайно тесную связь, все же выступает в качестве косвенного дополнения, а не прямого. Это то же касательное дополнение, какое мы наблюдали при глаголах *syar bûn*, *nihêrin*: *ez hespê syar bûn* 'я сел на лошадь', *min hespê nihêrî* 'я посмотрел на лошадь', *ez hespê geryam* 'я искал лошадь'.⁸ Иллюзорному восприятию *k'ê* как прямого дополнения способствует весь строй предложения *tu k'ê digerî*, с прямым падежом подлежащего и беспредложным косвенным падежом дополнения, непосредственно примыкающего к глаголу в форме настоящего времени. Стоит, однако, сместить временной план, как иллюзия исчезнет, так как подлежащее сохранит форму прямого падежа, дополнение — форму косвенного падежа, а глагольное окончание — свою ориентированность на подлежащее: *tu k'ê digeryay?* 'кого ты искал?' (но не **te kî digerya?*). Кроме того, не следует упускать из виду, что и «касательный» предлог *li* готов по первому поводу всплыть на поверхность (*tu li k'ê digerî?*), не оставляя никаких сомнений относительно природы дополнения *k'ê*.

Только прямое дополнение (в строгой корреляции с подлежащим, отличаясь в этом отношении от косвенного дополнения всех типов) меняет свою падежную принадлежность в зависимости от временной формы глагола, свидетельствуя о переходности глагола и об особом характере его связи с именем в функции прямого дополнения. Допол-

⁷ Ч. Х. Бакаев, Словарь... стр. 97.

⁸ Именно такого рода связь при «отчуждении» конкретного дополнения обобщается в виде приставочного глагола типа *lê nihêrin* 'смотреть'. Здесь можно различать ряд этапов. Так, например, сочетание *lê syar bû* 'сел на него (и т. п.) верхом' относится целиком к синтаксису. *Lê* в этом сочетании есть предлог плюс энклитическое местоимение, соотношенное с конкретным дополнением, присутствующим в контексте. В *lê geŷya* 'искал (что-либо)' сделан существенный шаг в направлении словообразования, иначе говоря, к превращению *lê* в глагольную приставку (участвующую в образовании значения 'искать' в отличие от значения 'ходить'). По-видимому, вполне допустимо *lê geŷya* 'искал' и в отвлечении от конкретного дополнения (см.: Ч. Х. Бакаев, Словарь... стр. 97 и 224). В еще большей мере это справедливо в отношении сочетания *lê nihêrî* 'посмотрел', где приставка *lê* часто выступает в качестве абстрактного показателя определенной направленности глагола, безотносительно к конкретному дополнению. И, наконец, в *lê xist*, *lê da* 'ударил' и т. д. приставка *lê* в значительной степени лексикализована. По-видимому, возможны и случаи объектной переориентации глагола *lê xistin*. Ср. *nan lê xistin* 'выпекать хлеб' (Ч. Х. Бакаев, Словарь... стр. 224). Такие процессы подробно рассмотрены в диссертации И. А. Смирновой, посвященной сложным глаголам в наречии сорани (рукопись).

нение при глаголе *geŷyan* не обладает свойством переменной падежной принадлежности, следовательно, и по этому признаку глагол *geŷyan* не интерпретируется в курдском языке в качестве переходного.

Впрочем, признак переменной или постоянной падежной принадлежности не всегда может служить опорой для различения прямого дополнения и косвенного. Более сложная методика должна быть использована, например, при определении характера дополнения, расщепляющего сложно-именной глагол. Какое дополнение входит в состав предложения *min gazi keç'ikê kir* 'я позвал девушку'? Трудно ответить на этот вопрос. В плане чисто структурном *keç'ikê* должно быть признано не прямым дополнением,⁹ а косвенным, так как с этим дополнением может быть соотнесено энклитическое местоимение, присоединяемое к глагольной форме: *min gazi kirê* 'я позвал ее', т. е. в данном случае 'девушку.' Энклитическое местоимение в таких предложениях соотносится с направительным дополнением или адресатом; ср. *min k'itêba t'eze nişani şagirt da* 'я показал ученику новую книгу',¹⁰ *min nişan daê* 'я показал ему'. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что глаголы *gazi kirin* и *nişan dan* обладают разной синтаксической валентностью, и в связи с этим в них заложены разные тенденции. Глагол *nişan dan*, как это видно из приведенного выше примера, способен сочетаться одновременно и с прямым дополнением, и с косвенным, в то время как *gazi kirin* (в значении 'звать', 'приглашать' и т. п.) сочетается только с одним (косвенным) дополнением. Односторонняя валентность *gazi kirin* обуславливает возможность реинтерпретации дополнения. Это можно заключить из того, что для *gazi kirin* (по-видимому, при некотором смещении значения и не без влияния синонима *t'eglif kirin* 'приглашать') допустима несколько натянутая форма страдательного залога,¹¹ с подлежащим, коррелятивным дополнению при глаголе в действительном залоге: *mêvan hatne gazikirinê* 'гости были созваны (приглашены)'; ср. *min gazi mêvin kir* 'я позвал (пригласил) гостя', *min gazi kirê* 'я позвал его'.

Глагол *zayîn* 'рожать' тоже не является переходным, так как он при всех временных формах требует прямого падежа подлежащего: *ç'êlek za* 'корова отелилась', но не **ç'êlekê za*.¹² Тем самым исключается и сочетаемость этого глагола с прямым дополнением. В данном случае замечательно то, что в стремлении присоединить прямое допол-

⁹ Ср.: Ю. Ю. Авалиани. О сложных глаголах с дистантным расположением компонентов в курдском языке. Конференция по языкознанию, посвященная IV Международному съезду славистов, Самарканд, 1958, стр. 37; Л. А. Пирейко. Эргативная конструкция в курдском и талышском языках. Краткие сообщения Института народов Азии, XXX, 1961, стр. 92.

¹⁰ Ср.: Ч. Х. Бакаев. Словарь... стр. 269.

¹¹ Ч. Х. Бакаев. Словарь... стр. 93.

¹² Ср. тот же корень в приставочном глаголе *ra-zan* 'спать' и окказионально, может быть эвфемистически, 'рожать'. Разумеется, факт отнесения глагола *zan* к непереходным нуждается в историческом объяснении.

нение к глаголу *zayîn* его спаривают с переходным глаголом *anîn* 'принести', используя соответствующую валентность этого последнего: *ç'êleka me za, golik anî* 'корова наша отелилась, принесла теленка', фактически: 'наша корова родила теленка'.

Итак, по-видимому, важно различать два аспекта переходности в курманджи: аспект чисто формальный, учитывающий формальную реакцию подлежащего (глагол *karibûn* — переходный, потому что говорят *min karibû*, а не **ez karibûm*), и аспект в большей мере семантический — способность переходного глагола сочетаться с прямым дополнением. Для второго аспекта, возможно, следовало бы употреблять иное обозначение, например, (прямая) объектность переходного глагола, понимая это как способность переходного глагола сочетаться с прямым дополнением. С этой точки зрения глаголы *banz dan* и т. п. являются переходными, но они не обладают свойством (прямой) объектности.

С категорией (прямой) объектности глагола непосредственно связано различие безобъектного и объектного спряжения переходного глагола (*min nihêrî, te nihêrî, ewî nihêrî, no te ez şandim* 'ты меня послал', *min tu şandî* 'я тебя послал', *min ew şandin* 'я их послал'). Эти аспекты важно различать еще и потому, что формальная переходность только соприкасается с системой залоговых отношений, тогда как (прямая) объектность глагола входит в эту систему, будучи, например, непосредственно коррелятивной с пассивом (формой страдательного залога): *te gur xarand* 'мы обманули волка', *gur hate xarandinê* 'волк был обманут'. Что касается практических нужд, то словарь, разумеется, никак не может игнорировать формальную переходность глагола и вместе с тем очевидна исключительная ценность характеристики глагола со стороны его валентности, включая его способность сочетаться с прямым дополнением.

Иными путями определяется формальное разграничение переходности и непереходности в южнокурдском диалекте сорани. Но оно и в сорани носит такой же строгий характер и в своей сущности обнаруживает единство с курманджи.¹³

¹³ Из последних работ см.: К. К. Курдоев. Объектное и субъектное спряжение переходного глагола в курдском языке. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, 1960; D. N. MacKenzie. *Kurdish dialect studies*, I. London, 1961, p. 106, f.; см. также: И. А. Смирнова. Спряжения переходных глаголов в южном диалекте курдского языка (сорани). Научная конференция по иранской филологии (тез. докл.), 1962, стр. 23 и сл.

TO THE DETERMINATION OF THE TERM «TRANSITIVE VERB»
IN KURMANJI

In Kurmanji we should differentiate between two aspects of the transitivity of the verb: a) the purely formal aspect which takes into account only the formal reaction of the subject: the subject of a transitive verb possesses variable case characteristics (*ez dişînim* 'I send', *min şand* 'I sent'); b) the aspect which is to a larger extent semantic: the ability of the verb to take a direct object.

Thus the verb *lê nihêrîn* 'to look at' is transitive, but it takes an indirect object and not a direct one: *min (li) hespê nihêrî* 'I looked at the horse'. Here the indirect object is distinguished by its constant case characteristics: *ez (li) hespê dinihêrim* 'I look at the horse'. As to the direct object (in strict correlation with the subject) it is distinguished by variable case characteristics: *ez te dişînim* 'I send you', *min tu şandî* 'I sent you'.
